

Ф. И. Успенский

**История крестовых
походов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф. И. Успенский**
История крестовых походов / Ф. И. Успенский – М.: Книга по Требованию, 2022. – 146 с.

ISBN 978-5-458-03282-7

Крестовые походы имеют не только общеисторический интерес, как выражение идей и настроения умов в известный период средневековой истории.

По своим мотивам, а равно по ближайшим последствиям, в особенности же по разнообразным и глубоким влияниям на взаимные отношения Востока к Западу, крестовые походы не лишены специального значения для истории восточноевропейских народов.

ISBN 978-5-458-03282-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© Ф. И. Успенский, 2022

Федор Иванович Успенский
История крестовых походов

1. Обстоятельства, вызвавшие Крестовые Походы

Крестовые походы имеют не только общеисторический интерес, как выражение идей и настроения умов в известный период средневековой истории. По своим мотивам, а равно по ближайшим последствиям, в особенности же по разнообразным и глубоким влияниям на взаимные отношения Востока к Западу, крестовые походы не лишены специального значения для истории восточноевропейских народов. Составляя весьма важный отдел в западноевропейской истории, крестовые походы обильны внешними фактами и богаты результатами, которые хотя и куплены были весьма дорогой ценой, но могущественно повлияли на духовное развитие европейских народов. Тогда западные европейцы в первый раз большими массами поднялись со своих мест и, познакомившись с неизвестными им народами и странами, частью усвоили их нравы и учреждения, частью передали им свои понятия и взгляды. На Востоке перед европейцами открылся новый мир с совершенно новыми и чуждыми ему понятиями, образом жизни и политическим устройством. Рассказы и описания виденного и слышанного составили богатую литературу, которая с живым интересом читалась по монастырям и рыцарским замкам. Западные народы вложили в крестовые походы много своих сил, и материальных, и духовных, поэтому нет ничего удивительного, что национальная история французов, немцев, итальянцев и англичан не может не уделять значительного места изложению истории крестовых походов.

Для восточноевропейской — в частности для русской истории — крестовые походы представляют интерес с другой точки зрения, именно с позиции мотивов и результатов крестовых походов. Весьма рельефно выступающий в новой истории антагонизм между западной и восточной Европой, резко выдигающаяся противоположность интересов и культур романо-германской и греко-славянской — в первый раз обнаружилась в эпоху крестовых походов, а нынешнее политическое и религиозное влияние католических стран на Востоке началами своими восходит к той же эпохе. Религиозная и национальная вражда к мусульманству, одушевлявшая первых крестоносцев и поддерживавшая их в перенесении громадных лишений и потерь, скоро уступила место другим побуждениям, которые однако оказались нисколько не слабее первых и продолжали увлекать на Восток новые и новые западные ополчения. Когда первоначальная цель крестоносного движения перестала быть руководящим мотивом, выдвинулись на первое место политические соображения. Не об Иерусалиме и не об освобождении Гроба Господня из рук неверных стали помышлять вожди крестоносцев, а об основании независимых княжений на Востоке, о завоевании Византии, наконец, о торговых преимуществах в областях византийских и мусульманских. Таким образом, с точки зрения восточноевропейской истории эпоха крестовых походов представляет собой любопытнейший эпизод борьбы между Западом и Востоком, борьбы, которая еще не окончилась и поныне и продолжается на наших глазах, соединив разнообразные интересы, как религиозные, так и политические и торговые, в так называемом Восточном вопросе¹. Ввиду указанного крестовые походы и с точки зрения русской истории получают важное значение, как эпизод столкновения

двух миров, и поныне разделяющих господство в Европе и Азии, и как вступительная глава в историю Восточного вопроса, в разрешении которого России суждено было принять деятельное участие.

Ближайшие обстоятельства, вызвавшие крестовые походы, до сих пор остаются не вполне ясными. Сильное развитие папской власти, мечтавшей в конце XI в. обратить греков к послушанию римской церкви, глубокое влияние духовенства, подвинувшего западные народы к исполнению воли римского первосвященника, тяжкое экономическое и социальное положение народных масс, привычка к войне и жажда приключений — вот причины, которыми объясняют начало крестовых походов. Решительным и последним побуждением было обращение царя Алексея I Комнина² к папе Урбану II³ в 1094 году с просьбой о помощи против турок-сельджуков⁴. Все эти мотивы, конечно, имели значение при возбуждении первого крестового похода, но ни все вместе, ни каждый в отдельности они недостаточно объясняют принятые крестовыми походами направление и на первых же порах обнаружившиеся недоразумения между крестоносными вождями и византийским правительством. В русской исторической литературе с особенной силой выдвинуто то обстоятельство, что крестовые походы стоят в тесной и внутренней связи с состоянием Византийской империи того времени и что принятые ими направление может быть выяснено из рассмотрения политических условий, в каких находилась тогда Византия.

Само собой разумеется, здесь подразумеваются отношения Византии к мусульманскому миру. К VIII в. мусульмане завладели Азией и Африкой⁵ и утвердились на островах Средиземного моря и в некоторых областях Западной Европы. В 717 г. они осадили столицу восточного христианского мира. Но царь Лев Исавр⁶ успел соединить против магометан большие морские и сухопутные силы и нанес им сильное поражение под Константинополем; это была первая победа христиан, надолго приостановившая победоносный напор мусульманского мира и спасшая от порабощения им переднюю Малую Азию. Скоро затем (в 732 г.) магометане потерпели большое поражение от Карла Мартела, заставившее их надолго отказаться от попыток новых завоеваний и в Западной Европе⁷. Несмотря на частные успехи магометан на островах Средиземного моря (Крит и Сицилия), несмотря на опустошения, производимые ими в Италии и Южной Франции, в общем в IX и X вв. они уже не были так страшны и победоносны, как ранее. Это отчасти объясняется внутренними явлениями, наблюдаемыми в самом мусульманском мире. Когда ослабел первый религиозный пыл, в магометанской среде начались распри, выразившиеся в политическом дроблении халифата и в религиозном сектантстве. Постепенно образовалось три халифата: Багдадский, Египетский или Фатимидский, и Испанский или Омейядский⁸. Багдадский халифат разделился к X в. на множество отдельных княжений; пользуясь его раздробленностью, византийские императоры Никифор Фока и Иоанн Цимисхий⁹ отняли у него часть Сирии с городом Антиохией и островом Крит¹⁰. Египетский халифат действовал отдельно от других и направлял свои силы против Сицилии и Южной Франции. Что касается испанских арабов, то они также были заняты внутренними войнами и борьбой с вестготами¹¹. Магометанство вновь становится опасным для христиан в XI в., и притом как на Востоке, так и на Западе. На Востоке магометане приобрели новых прозелитов в лице туркменов, живших около Каспийского и Аральского морей. Туркмены, полу-

чившие потом имя турок-сельджуков¹², вторглись в области Багдадского халифата, подчинили себе мелких властителей Ирана и Месопотамии и начали принимать деятельное участие в делах самого халифата, занимая места приближенных советников и администраций халифа и составляя его военную силу. Скоро турки-сельджуки перенесли на себя весь интерес истории магометанского мира. Они завоевали почти всю Малую Азию, образовав могущественный султанат со столицей в Иконии, и угрожали самому Константинополю¹³. Один из крупных эпизодов этой эпохи сосредоточивается на событиях 1071 г., когда султан Альп-Арслан одержал блестящую победу над византийскими войсками при Манпикерте, в Армении, взяв в плен царя Романа Диогена¹⁴. Это поражение имело важное значение не для одной Византии, но и для всего христианского мира. Для сельджуков теперь открывался свободный путь к Мраморному морю и Босфору, они могли без особых затруднений осадить Константинополь. Как бы ни были грубы и дики сельджуки, они и тогда уже понимали, что тот план действий, который впоследствии был осуществлен османскими турками¹⁵, мог быть испробован и теперь. Что туркам-сельджукам была не чужда мысль о завоевании Константинополя, доказывается нижеследующими фактами.

Говоря о состоянии мусульманского мира накануне крестовых походов, нельзя оставлять без внимания европейских сородичей сельджуков, хорошо известных из русской летописи половцев и печенегов, которые в конце XI в. распространялись по Южной Руси и, переходя через Дунай, не раз тревожили Византийскую империю. Не далее, как летом 1088 г., печенеги нанесли Алексею Комину страшное поражение при Дерстре (Силистрия), захватили в плен многих знатных византийцев, а самого императора заставили искать спасения в постыдном бегстве. Богатая добыча, доставшаяся печенегам, пробудила алчную зависть в их союзниках — половцах, которые пришли к ним на помощь. Откупившись золотом от хищных соседей и подданных (печенеги были уже приняты на византийскую землю), Алексей однако не мог быть спокоен и за ближайшее будущее, пока печенеги без страха переходили Балканы и нападали на византийские города Адрианополь и Филиппополь, доходя даже до стен столицы. На этот раз опасение усиливалось еще и потому, что половцы, не получив себе части из византийской добычи, грозили двинуть всю половецкую орду за Дунай, чтобы отомстить печенегам. Правда, половцы в этом отношении могли оказать услугу Византии, но чего было ожидать потом от такого рода слуг и союзников?

В зиму 1089/90 г. печенеги расположились в адианопольской области, чтобы весной начать свои опустошительные набеги в самое сердце империи. Император занимался обучением войска для предстоящего похода и набором новых отрядов. Лето 1090 г. принесло с собой новые затруднения. Турецкий пират Чаха, воспитанный в Константинополе и хорошо знакомый с положением дел, снарядил собственный флот и составил план действий против Империи с моря, пока печенеги будут отвлекать ее силы с суши. Все лето император провел в походе против печенегов. Чтобы судить об опасности, угрожавшей Константинополю, достаточно сказать, что военные действия сосредоточивались около Чурля, то есть на расстоянии одного дневного перехода от столицы. С наступлением осени война прекращалась, но печенеги не думали возвращаться в свои кочевья, а расположились тут же, почти в виду Константинополя. Зима 1090/91 г. прошла в постоянных схватках, которые, впрочем, не имели решительного значения ни для той,

ни для другой стороны. Столица была заперта, из нее не выпускали жителей, потому что за стенами города рыскали печенежские наездники. В трудных обстоятельствах, какие могла помнить Византия из предшествовавшей истории, ее спасала возможность морских отношений. Но теперь Чаха замышлял отрезать для Константинополя и море. Располагая значительным числом кораблей, он сделался полновластным господином Босфора и Мраморного моря. Стало известно, что его послы переговариваются с предводителями печенежской орды и уславливаются об общем плане действий. Вообще, положение империи в 1091 г. представляется в высшей степени беспомощным. Едва ли ранее угрожала ей такая неминуемая и близкая гибель. Император, говорит Анна Комнина¹⁶, видя, что и с моря, и с суши наше положение весьма бедственно... посланиями, отправленными в разные стороны, спешил собрать наемное ополчение. Некоторые из этих грамот назначены были в половецкие вежи¹⁷, другие — к русским князьям; без сомнения, были послания и на Запад, в особенности к друзьям, которые уже доказали раз свое расположение к императору, каков был Роберт, граф Фландрский¹⁸, приславший Алексею вспомогательный отряд. До нашего времени сохранился один экземпляр послания, отправленного Алексеем Комнином к графу Роберту Фландрскому. Вот в главных чертах его содержание: «Святейшая империя христиан греческих сильно утесняется печенегами и турками; они грабят ее ежедневно и отнимают ее области. Убийства и поругания христиан неисчислимы и так страшны для слуха, что способны возмутить самый воздух... Почти вся земля от Иерусалима до Греции, — не исключая и Фракии, — подверглась их нашествию. Остается один Константинополь, но они угрожают в самом скором времени и его отнять у нас, если не подоспеет быстрая помощь верных христиан латинских. Пропонтида¹⁹ уже покрыта двумястами кораблей, которые принуждены были выстроить для своих угнетателей греки. Таким образом, Константинополь подвергнется опасности не только с суши, но и с моря. Я сам, облеченный саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу спасения; и принужден бегать перед лицом турок и печенегов. Итак, именем Бога умоляем вас, спешите на помочь мне и греческим христианам. Мы отаемся в ваши руки; мы предпочтаем быть под властью ваших латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам. Для вас да будет также дорога та святыня, которая украшает город Константина, как она дорога для нас... Священные предметы не должны достаться во власть язычников, ибо это будет великая потеря для христиан и их осуждение. Если, сверх ожидания, вас не одушевляет мысль об этих христианских сокровищах, то я напомню вам о бесчисленных богатствах и драгоценностях, которые накоплены в столице нашей. Сокровища одних церквей в Константинополе могут быть достаточны для украшения всех церквей мира. Нечего говорить о той неисчислимой казне, которая скрывается в кладовых прежних императоров и знатных вельмож греческих. Итак, спешите со всем вашим народом, напрягите все усилия, чтобы такие сокровища не достались в руки турок и печенегов. Ибо, кроме того бесконечного числа, которое находится в пределах империи, ожидается ежедневно прибытие новой 60-тысячной толпы. Мы не можем положиться и на те войска, которые у нас остаются, так как и они могут быть соблазнены надеждой общего расхищения. Итак действуйте, пока есть время, дабы христианское царство и, что еще важнее, Гроб Господень не были для вас потеряны, дабы вы могли получить не

осуждение, но вечную награду на небеси»²⁰. Нет ничего удивительного, что для патриотического чувства греческих писателей того времени прискорбно было вспоминать о тяжелых обстоятельствах, связанных с посылкою на Запад подобных посланий; чувство гордости и сознания собственного достоинства не позволило им приводить содержание грамот, посланных Алексеем Комниным в 1091 г. И вообще, обращение Византийской империи за помощью к латинскому Западу всегда знаменовало крайний упадок нравственных сил в Константинополе и было выражением самого беспомощного состояния. Положение императора Алексея Комнина в зиму 1090/91 г. может быть сравниваемо разве что с последними годами империи, когда османские турки окружили Константинополь со всех сторон и отрезали его от внешних отношений²¹.

Не только в области дипломатической замечается склонность безусловно отдать себя в распоряжение Запада: заведена была речь о церковном разделении Востока и Запада, о мерах к соединению двух церквей²². Обмен посольствами по церковным вопросам началась с 1089 г.; что папа считал возможным дружелюбное разрешение этих вопросов, свидетельствует уже освобождение императора Алексея Комнина от церковного отлучения, которое лежало на нем, как на схизматике. К тому же времени (1091 г.) относится происхождение сочинения Болгарского архиепископа Феофилакта²³ о заблуждениях латинян. Оно написано в весьма миролюбивом духе и приводит к заключению, что ошибки латинян были не так многочисленны, чтобы считать неизбежным разделение церквей. Перечислив обыкновенные отступления западной церкви: опресноки²⁴, пост субботний и безбрачие духовенства, он говорит, что одни из них не заслуживают внимания, другие нуждаются в умеренном исправлении. Только один вопрос не допускает никакой уступки — о прибавке в символе²⁵. Латиняне, продолжает он, могут сослаться на скучность своего языка, и им может быть предоставлено право пользоваться своим способом выражений в беседах и церковных поучениях, но в символе не должна быть допущена никакая неясность, никакое прибавление. Если таким образом западные и восточные богословы могли бы согласиться между собой в вопросе о догмате, тогда греческой церкви, говорит Феофилакт, следовало бы сообразоваться с примером Ап. Павла, который для сущих под законом сам являлся подзаконным и участвовал в жертвах очищения²⁶. Таким образом, и в церковном вопросе Византия склонна была в это время к уступкам. Если не состоялся тогда так желаемый обеими сторонами собор, это произошло от совершенно посторонних обстоятельств, и между прочим оттого, что самому папе Урбану II угрожало низвержение с римского престола (антипапа Климент III)²⁷.

Между тем, возвзвание Алексея Комнина на Западе должно было произвести сильное движение. Не без причины, конечно, Первый крестовый поход состоялся по преимуществу из владетельных князей и рыцарей Франции. Роберт Фриз²⁸, к которому, между прочим, адресовано письмо Алексея Комнина, был авторитетным глашатаем Первого похода именно в среде высших классов; притом и послание императора Алексея совершенно ясно и определенно ставило вопрос о цели похода, то есть именно так, что могло возбудить самые заманчивые надежды феодальных рыцарей: берите империю и Константинополь, богатства найдете вы много; пусть все будет ваше, лишь бы не доставалось печенегам и туркам. Гроб же Господень и Иерусалим, оскверняемый неверными, был доста-

точным знаменем для верующих в простоте сердца, среди которых действовали другие проповедники, между которыми особенной известностью пользовался Петр Пустынник²⁹. Не забудем и того, что в первом походе участвуют сын Роберта Фриза и два его племянника, а также немало близких родственников. Первый крестовый поход, таким образом, состоялся бы и помимо папы и имел бы тогда совершенно иное значение и несколько другие цели. Но в октябре 1093 г. умер Роберт Фриз, чем замедлился ход начавшегося в рыцарстве движения. В латинских летописях того времени сохранились некоторые указания, что уже в 1092 г. были речи о крестовом походе, было движение умов в этом направлении.

Пока на Западе происходили переговоры и составлялись соображения, скорому осуществлению которых помешала смерть Роберта Фриза, император Алексей Комнин не только успел пережить мучительные минуты отчаяния, внушившие ему малодушное послание, но и устраниТЬ опасность, которая угрожала его империи. На весну 1091 г. Чаха приготовлял высадку в Галлиполи, сюда же потянулась печенежская орда, но его отвлекли от своевременного прибытия к месту сбора греческие морские силы, а потом он был убит никейским султаном. 40 тысяч половцев под предводительством Тугоркана и Боняка³⁰ и отряд русского князя Василька Ростиславича³¹ содействовали тому, что печенеги были уничтожены 29 апреля 1091 г. Половецкие предводители Тугоркан и Боняк оказали громадную услугу Византии. Печенежская орда была ими уничтожена, остатки ее не могли уже возбуждать опасений, напротив, в качестве легких разведочных отрядов они с пользой служили в византийском войске. Не будь на службе императора этих печенежских конников, ему не так легко было бы тревожить крестоносные отряды неожиданными нападениями, заставлять их держаться в тесном строе и не расходиться по окрестностям для грабежа мирного населения. С победой над печенегами Алексею перестала угрожать опасность соединения азиатских и европейских турок (печенеги и турки-сельджуки — одного происхождения); раздробленные и враждующие между собой малоазиатские княжества турок-сельджуков были для Алексея совсем не так опасны, как норманнское нашествие, как набег печенежский, или как остроумный и дальновидный замысел пирата Чахи. Но к 1092 г. Алексей был уже свободен от томительного страха за судьбу империи, а на Западе только еще знакомились с содержанием его послания и собирались в поход, который имел определенную цель — спасти византийскую империю от печенегов и сельджуков. Здесь, конечно, следует искать причину к объяснению взаимных недоразумений и горьких обвинений, которые направлялись крестоносцами против византийцев и наоборот. К крайнему изумлению крестоносцев, печенеги и турки оказывались на службе императора и всего чувствительнее вредили им быстрыми набегами; византийский император не только не сдавал им города и не унижался, но еще требовал себе ленной присяги и договаривался о городах, которые крестоносцы завоюют у турок. Но нужно помнить, что не меньше изумлены были движением крестоносного ополчения и византийцы: они утверждают, что это движение на Восток было вызвано не их просьбами, а произошло самостоятельно и угрожало пагубными последствиями для греческой империи.

2. Первый Крестовый Поход

Движение в пользу крестовых походов было уже довольно заметно в рыцарских замках и в деревнях, когда в нем принял непосредственное участие папа Урбан II³². Можно даже думать, что первый крестовый поход осуществился бы и без знаменитой Клермонской речи, как это показывает ход событий. В марте 1095 г. папа Урбан II присутствовал на соборе в Пьяченце, где решались вопросы церковного благочиния — о строгости монашеской жизни, о мире Божием и прочее, и где церковный авторитет обнаружился в некоторых мерах по отношению к германскому императору и французскому королю. Говорят, что в конце собрания была высказана мысль о крестовом походе. Летом того же года папа был в южной Франции, 18 ноября состоялся собор в Клермоне. Действия этого собора далеко не отличаются характером военных решений, напротив, ограничиваются церковной сферой. Здесь снова были выдвинуты церковные вопросы: о прекращении феды³³, о мире Божием³⁴, произнесено отлучение от церкви короля Филиппа³⁵. В конце заседания папа произнес ту речь, с которой обыкновенно начинают историю первого крестового похода. Но о содержании этой речи, сказанной под открытым небом, ибо огромное стечание народа не могло поместиться ни в одном городском здании, нельзя составить точного представления. Правда, речь эта передана тремя писателями Первого похода³⁶, которые сами присутствовали на соборе и были свидетелями всего происходившего, но содержание речи у всех передано по памяти, со значительными личными вставками и такими отличиями в изложении, которые способны внушить мысль, что все они передают не одну речь, а разные. Само собой разумеется, если бы речь Урбана II действительно имела официальное значение, то она должна была бы сохраниться в каком-нибудь акте, а не в случайном изложении писателей. Точно так же и по отношению к организации крестового похода роль Урбана II сводится к самым незначительным мероприятиям. Правда, он обещал принять под защиту церкви имущество тех, кто отправится в крестовый поход, возобновил распоряжение о прекращении внутренних войн, поручил епископу Адемару³⁷ произнести отпущение грехов для всех присутствовавших на соборе, но этим в сущности и ограничивалось участие папы в деле такой важности для всего европейского человечества, как организации крестового похода. Нужно было иметь мало политического такта и совсем не понимать готовящихся событий, чтобы оставаться до такой степени безучастным к организации и направлению похода, в котором за отсутствием церковного руководства должны были получить место настроения, несогласные с интересами церкви.

Если таким образом папе Урбану и его Клермонской речи нельзя приписывать решительного значения в деле Первого крестового похода, то остается рассмотреть составные элементы, в которых составилась крестоносная армия, и в них поискать разгадки движения.

В Первом крестовом походе прежде всего выступает на первый план народное движение, оно шло впереди и, по всей вероятности, вызвало движение высших классов. Во главе воодушевленных проповедников, неотразимо действовавших на простой народ, предание ставит Петра Пустынника, или Амьенского. Теперь уже доказано, что сага о Петре Амьенском не имеет фактической достоверности,

ибо стало известно, что он не был в Иерусалиме и что рассказ о его видении в храме Гроба Господня есть позднейший вымысел. Тем не менее, участие Петра и подобных ему лиц, красноречиво обращавшихся к массам простого народа с проповедью о борьбе с неверными, более всего содействовало тому, что идея крестового похода стала популярной в народных массах.

Петр Пустынник проповедовал о походе в северной Франции; вокруг него собралось множество народа с полным доверием к нему, как пророку Божию. В то же время некто Вальтер из рыцарского сословия³⁸, по прозвищу Готшальк (Нищий), собрал массы народа в других местах³⁹. К концу зимы он уже имел до 15 тысяч. Готшальк сначала действовал вместе с Петром, потом отделился от него и сам собрал огромную толпу из франков, швабов и лотарингцев. Проходя через Германию, эти толпы нападали на сельских жителей, производили грабеж и вообще не хотели соблюдать приказаний своих малоуважаемых вождей. В прирейнских городах Трире, Майнце, Шпайере и Вормсе толпы крестоносцев напали на евреев, многих перебили и разграбили их имущество. Означенные вожди и их сподвижники, выступившие в поход весной 1096 г., стояли во главе хотя и многочисленного, но самого жалкого сброда, к которому принадлежали преступники, беглые крестьяне и не ужившиеся в монастырях монахи. Эти первые крестоносные толпы не имели с собой ни запасов, ни обоза, не признавали никакой дисциплины и позволяли себе невообразимые насилия на пути, оставляя по себе самую дурную память. С подобными нестройными массами в первый раз знакомятся греки и турки-сельджуки и по ним составляют понятие о целях, средствах и силах крестоносцев.

Когда крестоносное ополчение приблизилось к границам Венгрии, там уже знали, с кем приходится иметь дело, и приняли меры предосторожности. Король Каломан⁴⁰ стоял с войском на границе и поджидал крестоносцев. Он соглашался не только пропустить их, но и снабдить съестными припасами, если они не будут позволять себе насилий и беспорядков. Первая толпа, пришедшая в Венгрию, имела во главе Готшалька. Здесь она услыхала, что другой отряд, предводимый графом Эмиконом Лейнинген⁴¹, был почти весь уничтожен в Чехии князем Брячиславом⁴². Тогда ополчение Готшалька, считая своим долгом отомстить за своих собратьев, начало опустошать страну, по которой оно проходило. Каломан напал на крестоносцев и одним ударом решил участь всего отряда. Позже этой же дорогой прошли толпы, предводимые Петром и Вальтером. Наученные опытом, они прошли через Венгрию в должном порядке и без особых приключений. Но на границе Болгарии их ждал враждебный прием. Петр проходил через Болгарию как через неприятельскую землю и, весьма ослабленный, добрался до границ Византийской империи. Численность крестоносцев, после всех потерь, доходила до 180 тысяч.

Когда ополчение Петра достигло границы Византийской империи, царь Алексей Комнин послал навстречу ему послов и обещал снабжать Петра всеми продовольственными средствами, если он без замедления поспешит к Константинополю. На местах остановок крестоносцы действительно находили припасы, и греческое население относилось к ним с доверчивостью и не разбегалось при их появлении. Только на два дня Петр остановился в Адрианополе и 1 августа 1096 г. прибыл к столице. Здесь к нему присоединились остатки отряда Вальтера, императорские чиновники указали им место остановки и расположения. Импе-